

**«ФИЗИЧЕСКИ-ДЕФЕКТИВНЫЕ ДЕТИ» И ИХ ПРИЗРЕНИЕ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹****Павел Петрович ЩЕРБИНИН**ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Аннотация. Системно изучена практика социальной защиты детей-инвалидов по слуху и зрению, а также других категорий «физически-дефективных» детей и подростков в Тамбовской губернии в первой трети XX века. На основе широкого комплекса первичных материалов, прежде всего, периодической печати, архивных источников, воспоминаний, статистических данных репрезентативно исследованы различные малоизвестные аспекты заявленной научной проблемы. Обобщен отечественный и зарубежный опыт изучения системы социального обеспечения «особых» детей в провинциальной России. Уточнены варианты социального попечения в отношении детей-инвалидов, в том числе в контексте благотворительной деятельности. Специально рассмотрены правовые аспекты регламентации физической и социальной дефективности в годы советской власти. Выявлены основные этапы благотворительной и общественной инициативы по поддержке детей-инвалидов. Обращено внимание на воздействие Первой мировой войны 1914–1918 гг., революционных катаклизмов, Гражданской войны на региональную специфику и конкретно-исторических проявлений попечения о таких «особых» детях на уровне конкретного региона – Тамбовской губернии. Уточнено влияние региональных тенденций на воспитание и обучение, а также последующую социализацию детей-инвалидов по слуху и по зрению. Доказано, что новая экономическая политика оказала мощнейшее негативное воздействие на всю систему социального обеспечения детей-сирот, воспитанников детских домов, по сути, ликвидировав все позитивные наработки и опыт, который сложился в Тамбовской губернии.

Ключевые слова: дефективность; социально-дефективные; физически-дефективные дети; дети-сироты; признание детей; социальная защита; попечение; региональная благотворительность

Упоминание о дефективности ребенка в современной России отражает понимание того, что он страдает определенными проблемами, прежде всего, психоэмоциональными либо связанными с задержкой психического развития. Однако понятие «детской дефективности» используется уже более ста лет отечественными и зарубежными учеными, педагогами, психологами, дефектологами, врачами и управленцами из сферы образования и социального попечения. В исторических работах определение «дефективные дети» традиционно связывается с социальной политикой Советского государства в 20-е гг. XX века [1]. Но все же термин «дефективные дети», то есть нервные, отсталые, недисциплинированные, неуравновешенные и пр., сложился гораздо раньше и активно обсуждался педагогами, врачами, психологами, социологами и криминалистами на рубеже XIX–XX веков [2]. Более того, впервые об умственно-отсталых детях заговорили в 1885 г.,

когда начал издаваться «Медико-педагогический журнал». Немного позже о детях-преступниках, как морально-дефективных, велись дебаты на съездах представителей исправительных заведений Российской империи [3]. Причем социальная политика в России имела схожие черты с европейским опытом и развивалась в русле научно-педагогических воззрений на эту проблему в европейских государствах [4, с. 158].

Наиболее успешное изучение и опыт воспитания, обучения и социальной защиты таких «особых» детей осуществил врач-психиатр В.П. Кашенко, по мнению которого «исключительные (дефективные дети)» делились на физически-исключительных, куда относились дети-калеки, слепые, глухонемые и т. п., и психически-исключительных: дети с недостатками психического развития, трудновоспитуемые, нервные, запущенные и беспризорные [5]. Ему же принадлежали многочисленные работы и предложения по созданию специальных лечебно-педагогических заведений для «умственно отсталых и морально отсталых детей» [6–8]. Он не был

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00333.

одинок – в стране предпринимались попытки организовывать так называемые вспомогательные школы и классы, все больше учителей и врачей обращалось к проблеме дефективности («детской исключительности»), многие специалисты делали ее предметом своих исследований. В 1913 г. на I Всероссийском съезде по вопросам народного образования в Петербурге была принята специальная резолюция о вспомогательных школах для умственно-отсталых детей.

В.П. Кащенко пытался привлечь внимание Временного правительства к судьбе исключительных детей. В августе 1917 г. на совещании при Министерстве государственного призрения он выступил с докладом «О психически дефективных воспитанниках средних учебных заведений». По докладу была принята резолюция о целесообразности создания сети специальных школ, о пропаганде борьбы с детской смертностью. Однако никакой реакции это предложение не встретило. Идеи В.П. Кащенко о единой сети специальных школ для «аномальных» детей стали воплощаться в жизнь при советской власти. Согласно декрету СНК от 17 января 1918 г. при комиссариате призрения (позже социального обеспечения) был образован Отдел дефективных детей, который в первую очередь принял меры к «извлечению несовершеннолетних из тюрем и размещению их по приютам»². При отделе была создана коллегия, в которую вошли известные психиатры, педагоги и юристы для выработки норм государственной опеки, воспитания и просвещения детей. На места рассылались инструкции по реорганизации воспитательно-исправительных заведений для нравственно-дефективных детей.

Постановлением Совнаркома от 5 июня 1918 г. специальные школы для нравственно-дефективных детей включались в систему народного просвещения как государственные учреждения. Дальнейшие организационные преобразования в сети специальных детских учреждений были направлены на размежевание функций между тремя комиссариатами: Наркомпросом, Наркомздравом и Наркомсобесом. Это было определено декретом СНК

от 10 декабря 1919 г., в соответствии с которым:

1) нервные и психически больные дети должны были воспитываться в учреждениях Наркомздрава (школы-санатории, школы-лечебницы и т. п.);

2) умственно-отсталые дети направлялись во вспомогательные школы Наркомпроса;

3) «телесно-дефективные дети» (глухонемые, слепые, калеки) должны были воспитываться в специальных учреждениях Наркомпроса;

4) воспитание морально-дефективных детей планировалось в учреждениях Наркомпроса или Наркомздрава;

5) несовершеннолетние, обвиняемые в общественно-опасных деяниях, должны были определяться комиссиями о несовершеннолетних в учреждения Наркомздрава или Наркомпроса³.

Всего в Советской России к 1923 г. было открыто 277 стационарных учреждений «правовой защиты детей»:

1) 169 учреждений обслуживали морально-дефективных детей в изоляторах, домах принудительного воспитания, домах и школах для морально-дефективных;

2) было открыто 58 домов для «умственно-отсталого детского населения и вспомогательных школ для приходящих умственно-отсталых детей»;

3) имелось также 50 детдомов и школ для слепых, глухонемых и колоний для физически-дефективных детей.

Из 19000, находящихся в стационарных учреждениях правовой охраны, 5500 детей и подростков приходилось на дома морально-дефективных, 3500 находилось в детских домах для умственно-дефективных, 2400 детей были в учреждениях для физически-дефективных [9].

Новый политический режим в стране Советов особенно волновали «новые дефективные» дети – беспризорники и уличные дети и подростки. Понимаемые прежде «дефективные/больные» и «новые/дефективные» стали единой «армией морально-дефективных». Фактически термин «дефективные дети» расширился, получил самое широкое толкование и изменился на общее название «морально-дефективные». В первые годы

² Сборник Декретов Народных Комиссаров. Сборник № 2. По Комиссариату социального обеспечения (призрения). Тамбов, 1918. С. 6.

³ Известия Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1919. 12 дек.

советской власти к «больным-дефективным» детям присоединили бездомных и уличных детей, имевших криминальное прошлое. Особенно ярко этот подход проявлялся в провинции, где никому, никогда и ни к чему было проводить селекцию, анализ жизненных обстоятельств и здоровья таких детей, а проще было причислить их к морально-дефективным и поместить в особые детские дома и интернаты [10].

При этом, по оценкам специалистов, наиболее «страдали» при новом режиме «физически дефективные» дети: глухонемые, слепые, с нарушениями психики. Кроме того, при зачислении любого ребенка в спецучреждения учитывалось не только состояние здоровья, но и социальное происхождение, вероисповедание и этническая принадлежность. В целом, по всей Советской России лишь около 2000 детей были охвачены «специальной» помощью при общей потребности в ней 200000 нуждающихся [4, с. 161]. Понятно, что проблема обучения и воспитания таких «особых» детей возникла задолго до 1917 г., но именно Первая мировая война 1914–1918 гг. и революционные катаклизмы, а позже последствия Гражданской войны резко обострили проблемы беспризорных детей [11], в том числе и детей-инвалидов, то есть физически-дефективных, как называли их современники.

Вполне очевидно, что именно эти подростки наиболее нуждались в поддержке государства, которое после 1917 г. демонстративно заявляло: «Беспризорные, заброшенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми Советской республики» [12]. Как же на практике обстояло дело с применением таких лозунгов и призывов в провинциальном социуме нестоличного региона, которым являлась Тамбовская губерния?

Школа-приют для слепых детей. Во второй половине XIX века царское правительство иногда вспоминало о слепых подданных и проводило даже специальные переписи и обследования [13]. Проблемы призрения слепых детей не могли не волновать общественное мнение и местных благотворителей в регионе. В Тамбовской губернии насчитывалось в 1905 г. около 4730 взрослых слепых, а также более 800 детей, которые были слепыми от рождения. Инициативу по организации призрения таких детей, которые

были лишены всякой поддержки, помощи в социализации и обретении какой-либо профессии или мастерства, проявил тамбовский владыка епископ Иннокентий.

10 ноября 1906 г. в г. Тамбов было создано Крестовоздвиженское братство, главная цель которого состояла в открытии школы-приюта для слепых детей⁴. В октябре 1907 г. такая школа-приют была открыта в Тамбове⁵. Там воспитывались слепые дети, привезенные из самых дальних уголков губернии. Они обучались чтению, письму, хорошему пению, игре на различных музыкальных инструментах, а также доступным ремеслам. Воспитанники приюта плели корзинки, летние садовые кресла, пользовавшиеся большим успехом у жителей; пели в составе церковных хоров; работали в училищном саду. Заработанные детьми деньги шли в фонд училища, который формировался за счет пожертвований прихожан, пожертвований императрицы, городской думы и попечительства. Дети находились на полном содержании братства и добровольных пожертвованиях населения⁶.

Следует заметить, что эта «школа для слепых детей» не имела прочных источников содержания и обеспечения, и в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. из-за всеобщего вздорожания продуктов, роста различных расходов ее положение стало критическим. Тамбовское земское собрание выделяло фиксированную сумму на содержание школы в размере 1000 рублей, что позволяло лишь выживать в трудных условиях военной повседневности⁷. В августе 1917 г. школа для слепых детей была закрыта из-за отсутствия средств, а воспитанники распущены⁸.

Призрение глухонемых детей. Относящиеся к физически-дефективным глухонемые дети в имперский период Российской истории такой возможности на уровне губернии не имели. Только в губернском Там-

⁴ Крестовоздвиженское кладбищенское братство и школа-приют слепых детей в городе Тамбове // Тамбовские епархиальные ведомости. 1907. № 49. С. 1059.

⁵ Журналы Шацкого уездного земского собрания очередной сессии 1908 г. Шацк, 1909. С. 230.

⁶ Училище слепых детей в Тамбове // Тамбовские епархиальные ведомости. 1910. № 9. С. 392-393.

⁷ Доклады Тамбовской губернской земской управы Тамбовскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1916 г. Тамбов, 1916. С. 2.

⁸ Тамбовский земский вестник. 1917. 5 авг.

bove была реализована частная благотворительная инициатива в этом направлении. В 1888 г. на очередном Тамбовском губернском земском собрании было рассмотрено прошение А.В. Лабутиной о назначении ей денежного пособия для открытия ремесленного отделения при частном 2-классном училище в г. Тамбов. Целью этого ремесленного отделения должно было стать обучение глухонемых и малоспособных детей переплетному, картонажному и игрушечному делу. Собрание одобрило прошение А.В. Лабутиной и назначило единовременное пособие в размере 300 руб.⁹

Кроме того, отдельные глухонемые дети из Тамбовской губернии учились и воспитывались в Казанском и Пензенском училищах для глухонемых, за что тамбовское земство должно было перечислять средства на их содержание. Каждый воспитанник «стоил» земству 250 руб., и от Тамбовской губернии призревало лишь 5 таких детей-инвалидов. В 1904 г. Тамбовская уездная управа отказалась перечислять средства в Попечительство о глухонемых, находившееся в ведении императрицы Марии Федоровны, так как оно посчитало важнее открыть школы для глухонемых в губернии, где сотни детей нуждались в обучении и воспитании, и было готово туда тратить земские средства¹⁰. Земцы справедливо считали, что необходимо давать массовую, а не единичную поддержку глухонемым детям.

Советская власть и дети-инвалиды. После 1917 г. в Тамбовской губернии начали реализовываться отдельные программы поддержки глухонемых детей на основе специального обучения. Отметим, что декретом Совнаркома от 30 мая 1918 г. учреждения образования для глухих детей были включены в систему народного образования [23, с. 4]. Тем самым организация специального обучения детей с нарушениями слуха была провозглашена как государственная ответственность и забота.

Судя по воспоминаниям преподавательницы школы для глухонемых детей В.А. Поросятниковой, по распоряжению губнаробра-

за в апреле 1919 г. в уездном городе Козлове была открыта школа для глухонемых. Она была рассчитана на 50 детей обоего пола. В 1919–1920 гг. в школе числилось 13 детей в возрасте от 8 до 17 лет [14, с. 6-7].

Отсутствие общежития приводило к тому, что школу для глухонемых детей посещали только городские дети. Однако в 1920 г. занятия в школе были прекращены из-за отъезда преподавателей. В школе оставались лишь 5 глухонемых учащихся. Работники губнаробраза направили письмо в столицу в Центральный комитет глухонемых, но ответ так и не поступил. В сентябре 1920 г. губнаробраз предложил Козловскому унаобразу в спешном порядке преобразовать школу в детский дом для глухонемых [14, с. 7]. Это позволяло бы рассчитывать на государственную поддержку и увеличить число воспитанников до 70 человек.

Однако эти планы так и не были реализованы, и инициативу подхватил губернский Тамбов, где нашлись специалисты по дефектологии. 23 октября 1920 г. были набраны дети в детский сад-интернат № 3 для глухонемых детей. Его заведующим был утвержден А.Н. Поросятников¹¹. В сентябре 1921 г. сад-интернат был переименован в детский дом № 5 дошкольного типа. Возраст первых воспитанников колебался от 5 до 9 лет, и вскоре учреждение получило название Дом глухонемого ребенка. Воспитатели проводили экскурсии для детей, изготавливали с ними поделки, ухаживали за животными и развивали их в соответствии с программами для воспитания глухонемых детей дошкольного возраста.

В декабре 1921 г. в Тамбове был организован детский дом № 16 школьного типа для глухонемых детей. Вскоре туда были переведены и дети дошкольного дома № 5. В анкете губоно о работе детского дома в 1921–1922 гг. отмечалось, что «...учреждение находится в блестящем состоянии, в высшей степени жизнеспособно» [14, с. 8]. Отметим, что все же из-за проблем и трудностей с организацией выявления детей с нарушениями слуха в обстановке хаоса, вызванного «антоновщиной», развалом экономики, слабой организационной работой структур органов народного образования, в первые месяцы существо-

⁹ Сборник постановлений Тамбовского губернского земского собрания за 1865–1894 гг.: в 3 т. Тамбов, 1902. Т. 2. С. 1260.

¹⁰ Журнал Тамбовского уездного земского собрания очередной сессии 1904 года: с приложениями. Тамбов, 1905. С. 741-742.

¹¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 215.

вания учреждений для глухонемых детей там насчитывалось лишь около 20 детей и подростков. Но все же самым важным и значимым явлением было сохранение данного специализированного учебно-воспитательного заведения в условиях тотального сокращения детского призрения в годы нэпа.

Местные власти считали в конце 1922 г., что работа с физически дефективными детьми (слепыми и глухонемыми) была успешной, результативной и давала хорошие результаты. По оценкам проверяющих, работа по воспитанию слепых была поставлена удовлетворительно, велось обучение музыке и ремеслам, имелись доски и велось обучение по системе Брайля. Так же активно действовали учреждения для глухонемых: там проводилось обучение устной речи, постановка голоса, обучение письму, ремеслам и графическим искусствам¹².

Спустя четыре года, 19 декабря 1926 г., было издано постановление Совнаркома РСФСР «Об учреждениях для глухонемых, слепых и умственно-отсталых детей и подростков», в соответствии с которым создавались специальные школы (интернаты и экстернаты) для детей школьного возраста. В мае 1927 г. детский дом для глухонемых детей в г. Тамбов был реорганизован в школу для глухих, при сохранении при нем дошкольного отделения. К 1929 г. в Тамбове имелись интернаты для слепых и глухонемых детей, которые обслуживали детей со всего Тамбовского округа.

Необходимо иметь в виду, что властям необходимо было заниматься и «условно» физически-дефективными детьми, которые болели серьезными социально опасными заболеваниями (сифилисом, туберкулезом и пр.). В ведении губздравицы находился в 1923 г. детский дом для туберкулезных детей, открываемый в дачной местности в летнее время, а также дом для детей люэтиков (сифилитиков), где они содержались до выздоровления¹³. Эти меры позволяли несколько сдерживать распространение опасных инфекций и поправлять здоровье больных де-

тей, которые без лечения и ухода были бы обречены на гибель.

В Тамбовской губернии существовал и детдом для умственно-отсталых детей, которые не могли воспитываться в нормальных детучреждениях, но персонал не имел специальной подготовки, не был обучен для работы с такими детьми. К тому же снабжение дефективных детей, как пищевое, так и вещевое, производилось по норме обычных детучреждений, что являлось недостаточным для них, так как большинство являлись истощенными по причине нервных страданий, присущих таким детям.

Необходимо учитывать, что очень тревожной и опасной была санитарно-эпидемиологическая обстановка, уровень заболеваемости детей практически во всех детских домах Тамбовской губернии. При специальных обследованиях детских домов оказывалось, что детей физически дефективных было до 70 %, а в «Доме революции» из 500 человек имелось 150 детей с начатками туберкулеза. Много было также детей с наследственным и приобретенным сифилисом¹⁴. Эти данные свидетельствуют, что многие воспитанники в детских домах в первые годы Советской власти страдали различными, чаще всего социально-опасными заболеваниями (туберкулез, сифилис, чесотка, сыпной тиф, скарлатина и пр.).

В целом можно сделать вывод, что попытки организации поддержки физически-дефективных детей (слепых, глухонемых, страдающих психическими расстройствами и др.) в Тамбовской губернии проводились в незначительном количественном и качественном измерении, носили нередко импульсивный характер и не решали проблему на уровне региона. По сути, лишь часть детей смогли проходить обучение, воспитание и социализироваться в специальных учебно-воспитательных учреждениях, а абсолютное большинство детей-инвалидов оказывались за бортом всякой государственной поддержки, рассчитывая лишь на возможную помощь родственников или ближайшего окружения.

Заметим, что проблема социальной защиты дефективных детей в Тамбовской губернии в первые годы советской власти была неразрывно связана с детскими исправительными учреждениями. 24 марта 1919 г. колле-

¹² Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 33.

¹³ Год работы. Отчет Тамбовского губернского исполнительного комитета. Октябрь 1923 – октябрь 1924 г. Тамбов, 1924. С. 92.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 30об.

гия губоно приняла постановление об организации при губсоцвосе секции дефективных детей, и с января 1920 г. эта секция начала работать¹⁵. 6 апреля 1920 г. из введения губздравотдела в ведение губсоцвоса была передана комиссия по делам несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных деяниях.

При этом детские дома для «трудновоспитуемых детей» при Наркомпросе мало отличались от исправительных детских учреждений НКВД. Кроме того, при Наркомате социального обеспечения действовала специальная Комиссия несовершеннолетних, занимавшаяся организацией борьбы с детской преступностью. В соответствии с декретом СНК РСФСР от 14 января 1918 г. в столице, а позже и в провинции были созданы «Комиссии для несовершеннолетних», которые могли освободить подростка в случае признания его проступка незначительным либо направить его для исправления в соответствующее учреждение [15, с. 53]. Фактически в учреждениях для «социально-дефективных» детей содержались и дети-инвалиды, и дети-калеки, все, кого власти относили к «физически-дефективным».

Руководитель подотдела социального воспитания губнаробраза Е.А. Васильева в своей программной статье, опубликованной в январе 1919 г. в «Вестнике просвещения», заявила, что в Тамбовской губернии будут создаваться специальные учреждения и наблюдательные дома: а) дома для нормальных детей; б) санатории для больных и слабых; в) дома для дефективных детей; г) дома для слепых и глухих. Главной задачей считалось – «уничтожить условия, создающие кадры преступников, идиотов, больных и несчастных, и сделать общественный организм крепким и сильным, устранив из него дряблых членов» [16, с. 10]. Однако столь амбициозные установки наталкивались на каждодневные трудности, недофинансирование, различные образовательные и воспитательные коллизии и конфликты в самих детских учреждениях.

Пытались включаться в проблему работы с несовершеннолетними работницы женотделов. Так, в тезисах к докладу подотдела Охраны детства на губплenumе отдела работниц 3 января 1921 г. указывалось, что глав-

ная задача подотдела охраны детства – дать государству здорового, работоспособного гражданина, воспитанного в коммунистическом духе.

Во исполнение данной задачи охраны жизни ребенка Подотдел планировал организовать широкую сеть детских домов, общественные столовые, снабжение обувью и одеждой как организованных, так и неорганизованных детей. Футуристический прогноз подотдела Охраны и детства был зафиксирован в производственном плане на 1921 г.: «...открыть 120 детских домов по 60 человек в каждом, 3 школы для слепых, 3 школы для глухонемых, 14 приемников для аморальных детей, 3 школы для дефективных, 11 приемных пунктов на железнодорожных станциях...»¹⁶ Понятно, что в условиях нэпа все эти планы остались неосуществленными и были лишь несбыточной мечтой женщин-активисток.

В 1921 г. для «дефективных детей» в Тамбовской губернии сохранилось лишь два «особых» детских дома: детдом для слепых (20 детей), детдом для глухонемых (15 детей). Другие же учреждения для «дефективных» детей из-за отсутствия средств, кадров и перспектив работы были ликвидированы.

По мнению специалистов губнаробраза, «детская дефективность проявлялась разнообразно: в состоянии недоразвития или поражения может находиться любая сторона физической или душевной организации ребенка или целый ряд сторон. Так, кроме чистых видов слепоты, глухонемоты, моральной и умственной отсталости бывали и смешанные страдания, например, умственное недоразвитие на почве легкой глухоты, подслеповатости, недоразвития речи, нервности и т. д. Дореволюционная и современная практика воспитания и образования дефективных детей устанавливала очень сложную и дробную группировку дефективных детей внутри детучреждений». Но в условиях последствий «антоновщины» и геоклиматических кризисов (голодовок, засухи и пр.) сеть детучреждений была очень примитивна, груба и далеко отставала в своем совершенстве от требований дефективной педагогики¹⁷.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 9-10.

¹⁷ Тамбовский губернский исполнительный комитет. Краткий обзор народного хозяйства Тамбовской губернии за 1921–1922 гг. Тамбов, 1922. С. 57.

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-7512. Оп. 1. Д. 109. Л. 30об.

Таким образом, «физически-дефективные дети», жившие в Тамбовской губернии, лишь частично получали возможность обучения, воспитания, обретения профессиональных навыков. Ни царский, ни советский режим не смогли развернуть масштабную, комплексную и долгосрочную программу и деятельность по призрению и социальной защите детей-инвалидов по слуху и по зрению. Большинство из таких детей могли рассчитывать лишь на помощь родственников и ближайшего социального окружения, но не на помощь так называемого «социального государства».

Список литературы

1. Колокольникова З.У., Подлесная Н.В. Учреждения социального воспитания для морально-дефективных детей в Приенисейской Сибири в 20–30-е годы XX века // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1. С. 136-140.
2. Кароли Д. Дети-инвалиды в дореволюционной и Советской России // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века): сб. ст. М., 2012. С. 138-196.
3. Дефективные дети и школа / под ред. В.П. Кащенко. М., 1912. 257 с.
4. Калининкова-Магнуссон Л.В., Магнуссон М. Социальная политика в отношении детской «дефективности» в военно-революционный период и в первую декаду советской власти (1914–1927 гг.) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 157-166.
5. Кащенко В.П., Мурашев Г.В. Исключительные дети. Дети нервные, трудные и слабоодаренные. Их изучение и воспитание / с пред. Н.А. Семашко. М., 1927. С. 52-53.
6. Кащенко В.П. Дефективные дети школьного возраста и всеобщее обучение. М., 1910.
7. Кащенко В.П., Крюков С.Н. Воспитание-обучение трудных детей: Из опыта санатория-школы. М., 1913.
8. Проблемы изучения и воспитания ребенка / под ред. В.П. Кащенко. М., 1926.
9. Бадулин В.В. Учреждения социального воспитания // Народное образование в РСФСР (по статистическим данным Наркомпроса на 1-е апреля 1923 г.) / под общ. ред. К.А. Коноваловой. М., 1923. С. 10-12.
10. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2018. 370 с.
11. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134-139.
12. Крупская Н.К. К вопросу о морально-дефективных детях // Собрание сочинений: в 10 т. М., 1923.
13. Статистика слепых в России по переписи 1886 г. / разработ. ред. Центр. стат. ком. В. Аленыным, А. Сырневым. Спб.: [Т-во Печатня С.П. Яковлева], 1888.
14. История становления и развития специального обучения и воспитания детей с нарушениями слуха в Тамбовской области. Часть 1. Период 20–80 годов XX века / авт.-сост. и ред. Т.А. Николенко. Тамбов, 2009.
15. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. Москва; Санкт-Петербург, 2015.
16. Васильева Е.А. Задачи социального воспитания // Вестник просвещения. 1919. № 1-2.

Поступила в редакцию 08.09.2018 г.

Отрецензирована 05.10.2018 г.

Принята в печать 12.11.2018 г.

Информация об авторе

Щербинин Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой ЮНЕСКО по правам человека и демократии. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Для цитирования

Щербинин П.П. «Физически-дефективные дети» и их призрение в первой трети XX века: региональный аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2019. Т. 24, № 178. С. 140-148. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-140-148.

“PHYSICALLY DEFECTIVE CHILDREN” AND THEIR CARE IN THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY: THE REGIONAL ASPECT

Pavel Petrovich SHCHERBININ

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

Abstract. We systematically study the practice of social protection of children with hearing and vision disabilities, as well as other categories of “physically defective” children and adolescents in the Tambov Governorate in the first third of the 20th century. On the basis of a wide range of primary materials, first of all, periodicals, archival sources, memories, statistical data, various little-known aspects of the claimed scientific problem were studied. We summarize the domestic and foreign experience of studying the social security system of “special” children in provincial Russia. The variants of social care for children with disabilities, including in the context of charitable activities, have been clarified. The legal aspects of the regulation of physical and social defectiveness during the Soviet period are specially considered. The main stages of the charitable and public initiative to support children with disabilities are identified. Attention is drawn to the impact of the First World War of 1914–1918, revolutionary upheavals, Civil War, regional specificity and the specific historical manifestations of the care of these “special” children at the level of a particular region – Tambov Governorate. The influence of regional trends on education and training, as well as the subsequent socialization of children with hearing and vision disabilities is clarified. It is proved that the new economic policy has had a powerful negative impact on the entire system of social security of orphans, children’s homes, in fact eliminating all the positive developments and experience that has developed in the Tambov Governorate.

Keywords: defectiveness; socially defective; physically defective children; orphans; children’s care; social protection; custody; regional charity

References

1. Kolokolnikova Z.U., Podlesnaya N.V. Uchrezhdeniya sotsial’nogo vospitaniya dlya moral’no-defektivnykh detey v Priyeniyeyskoy Sibiri v 20–30-e gody XX veka [Institutions of social education for morally defective children in Yenisei Siberia in 20–30s of the 20th century]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental’nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], 2015, no. 1, pp. 136-140. (In Russian).
2. Karoli D. Deti-invalidy v dorevolutsionnoy i Sovetskoy Rossii [Children with disabilities in prerevolutionary and Soviet Russia]. *Maloletniye poddannyye bol’shoy imperii: Filipp Ariyes i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Minor Servants of the Large Empire: Philippe Ariès and the History of Childhood in Russia (the 18th – early 20th century)]. Moscow, 2012, pp. 138-196. (In Russian).
3. Kashchenko V.P. (ed.). *Defektivnyye deti i shkola* [Defective Children and School]. Moscow, 1912, 257 p.
4. Kalinnikova-Magnusson L.V., Magnusson M. Sotsial’naya politika v otnoshenii detskoy «defektivnosti» v voyenno-revolutsionnyy period i v pervuyu dekadu sovetsskoy vlasti (1914–1927 gg.) [The social policy on child “defectiveness” during the First World War, revolution and the first decade of soviet power (1914–1927)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial’nyye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences*, 2015, no. 1, pp. 157-166. (In Russian).
5. Kashchenko V.P., Murashev G.V. *Isklyuchitel’nyye deti. Deti nervnyye, trudnyye i slabodarennyye. Ikh izucheniye i vospitaniye* [Exceptional Children. Nervous, Difficult and Poorly Gifted Children. Their Examination and Education]. Moscow, 1927, pp. 52-53. (In Russian).
6. Kashchenko V.P. *Defektivnyye deti shkol’nogo vozrasta i vseobshcheye obucheniye* [Defective Children of School Age and General Education]. Moscow, 1910. (In Russian).
7. Kashchenko V.P., Kryukov S.N. *Vospitaniye-obucheniye trudnykh detey: Iz opyta sanatoriya-shkoly* [Education and Schooling of Difficult Children: From the Experience of Sanatorium-School]. Moscow, 1913. (In Russian).
8. Kashchenko V.P. (ed.). *Problemy izucheniya i vospitaniya rebenka* [Problems of Examination and Education of a Child]. Moscow, 1926. (In Russian).
9. Badulin V.V. Uchrezhdeniya sotsial’nogo vospitaniya [Institutions of social education]. *Narodnoye obrazovaniye v RSFSR (po statisticheskim dannym Narkomprosa na 1-e aprelya 1923 g.)* [Public Education in RSFSR (According to Statistical Data of People’s Commissariat for Education on April 1, 1923)]. Moscow, 1923, pp. 10-12. (In Russian).

10. Shcherbinin P.P. «Pustite detey ko mne...»: «deti bedy» i popечitel'stvo do i posle 1917 goda [“Suffer the Children to Come unto Me...”: “Children of Misfortune” and Patronage before and after 1917]. Tambov, Publishing House “Derzhavinsky”, 2018, 370 p. (In Russian).
11. Rozhkov A.Y. Bor'ba s besprizornost'yu v pervoye sovetskoye desyatiletie [Struggle against homelessness during first Soviet decade]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2000, no. 11, pp. 134-139. (In Russian).
12. Krupskaya N.K. K voprosu o moral'no-defektivnykh detyakh [On morally defective children]. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols.]. Moscow, 1923. (In Russian).
13. Alenitsin V., Syrnev A. (eds. of Central Statistical Committee). *Statistika slepykh v Rossii po perepisi 1886 g.* [The Blind People Statistics According to the Census of 1886]. St. Petersburg, Tovarishchestvo Pechatnya S.P. Yakovleva Publ., 1888. (In Russian).
14. Nikolenko T.A. (author-compiler and ed.). *Istoriya stanovleniya i razvitiya spetsial'nogo obucheniya i vospitaniya detey s narusheniyami slukha v Tambovskoy oblasti. Chast' 1. Period 20–80 godov XX veka* [History of Formation and Development of Special Training and Education of Children with Hearing Disabilities in the Tambov Region. Part 1. Period of 20–80 of the 20th Century]. Tambov, 2009. (In Russian).
15. Smirnova T.M. *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917–1940 gg.* [Children of Soviet Country: From State Policy to Everyday Realities. 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, 2015. (In Russian).
16. Vasilyeva E.A. Zadachi sotsial'nogo vospitaniya [Tasks of social education]. *Vestnik prosveshcheniya* [Vestnik of Enlightenment], 1919, no. 1-2. (In Russian).

ACKNOWLEDGEMENTS: The study is funded by Russian Foundation for Basic Research according to the research project no. 19-09-00333.

Received 8 September 2018

Reviewed 5 October 2018

Accepted for press 12 November 2018

Information about the author

Shcherbinin Pavel Petrovich, Doctor of History, Professor, Head of UNESCO of Human Rights and Democracy Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: shcherbinin2010@gmail.com

For citation

Shcherbinin P.P. «Fizicheski-defektivnyye deti» i ikh prizreniye v pervoy trety XX veka: regional'nyy aspekt [“Physically defective children” and their care in the first third of the 20th century: the regional aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2019, vol. 24, no. 178, pp. 140-148. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-178-140-148. (In Russian, Abstr. in Engl.).